

Тянь Ваньсин заметил, что выражение лица женщины изменилось, и сердце у него тревожно ёкнуло. Он знал, что не отличается особой проницательностью, и, словно робкий человек, уклонился от её настойчивых расспросов.

А вот Чжан Мэйлинь, помедлив мгновение, вдруг ярко улыбнулась:

«Хэ Бянь? Да ты в деревне спроси — сразу узнаешь. У нас он живой святой, нет ни одного человека, кто бы не испытывал к нему почтения и трепета».

Женщина нахмурилась, затем удивлённо и с тревогой спросила:

«Что... что всё это значит?»

«Хэ Бянь с детства несчастный ребёнок» - продолжила Чжан Мэйлинь. «Его раньше продавали из дома в дом, избивали так, что он едва на человека был похож. Он хотел броситься в колодец, но я его спасла и привела к себе, растила как родного сына. А недавно у него вдруг открылось небесное око — он может общаться с духами, даже призывать божеств в своё тело».

Слушая это, женщина расплакалась. Она поспешно подалась вперёд из кареты, не обращая внимания на грязь у въезда в деревню: её новые вышитые туфли с жемчужной отделкой тут же запачкались. Ещё не ступив на землю, она уже схватила Чжан Мэйлинь за руки.

«Спасибо тебе, спасибо...» - сказала она. «Я — родная мать Хэ Бяня. Моя фамилия Ли, имя Чжэнь. Если не возражаешь, зови меня сестрой Чжэнь».

Учтивые слова и богатый облик женщины смутили Чжан Мэйлинь — она растерялась, не зная, куда девать руки. В душе у неё всё сжалось от тревоги, а улыбка на лице вышла натянутой и неловкой: она и представить не могла, что у Хэ Бяня такая знатная мать.

С беспокойством в сердце Чжан Мэйлинь повела гостью в деревню.

Деревня Тяньцзя — крохотное горное селение, в котором и сотни дворов не наберётся. Здесь не было ни мулов, а единственный пахотный бык принадлежал семье Тянь Дэфа. Где уж им было видеть такую красивую карету, запряжённую лошадьми.

Но каким бы роскошным ни было экипаж, по грязной деревенской дороге ему не проехать. Возница, не знакомый с местностью, угодил колесом в яму — и карета застряла.

Собравшиеся поглазеть крестьяне лишь вытягивали шеи, но не спешили помогать. Они ведь уже видели, как ведёт себя мать учёного Чжана: городская госпожа не терпит простолудинов. Подойди не вовремя — ещё и обругают за грязные ноги. А если запачкаешь её карету — не расплатишься.

И тут Чжан Мэйлинь громко крикнула:

«Эй, помогите же! Не видите, карета застряла?!»

Жители деревни, глядя на заискивающий вид Чжан Мэйлинь, только презрительно фыркали — ну и подхалимка, кому такое понравится.

После недавнего ливня у всех было полно работы — внутри дворов и снаружи всё требовало внимания, не до праздного любопытства.

Чжан Мэйлинь неловко взглянула на Ли Чжэнь, а затем снова крикнула деревенским:

«Эта госпожа — родная мать Хэ Бяня, она приехала его искать!»

И тут равнодушные до того люди словно ожили — все разом оживились, схватили мотыги и лопаты и, поднимая брызги грязи, гурьбой бросились помогать.

Ли Чжэнь, похоже, была ошеломлена таким поворотом — её лицо на мгновение напряглось, губы сжались. Но вскоре, увидев простые и угодливые улыбки крестьян, она тоже ответила мягкой, сдержанной улыбкой.

Заметив, что госпожа вежлива, крестьяне заговорили наперебой:

«Не зря она мать Хэ Бяня — сразу видно, благороднее обычных людей! Иначе как бы она родила такого живого бодхисаттву!»

«Хэ Бянь точно сошёл в этот мир, чтобы пройти испытания, а теперь его беды позади!»

«Госпожа, вы только посмотрите! Не думайте, что мы врём — видите ту гору за деревней? Ливень чуть дамбу не смыл, а Хэ Бянь призвал божество, и оно сдвинуло гору, раскололо вершину! Мы всей деревней это видели!»

По дороге жители говорили без умолку — и Ли Чжэнь, и возница слушали, словно зачарованные.

Вскоре они добрались до двора семьи Тянь. Увидев, что Тянь Ваньсин всё ещё стоит в оцепенении, Чжан Мэйлинь толкнула его локтем:

«Чего стоишь? Иди скорее, зови Хэ Бяня!»

Тянь Ваньсин тут же очнулся, вбежал во двор и, даже не оглядываясь, закричал:

«Хэ Бянь! Твоя родная мать приехала тебя искать!»

В это время в доме Хэ Бянь только что вымыл голову и искупался. Он сидел, опустив голову, а Чжоу Ци брал сухую, хоть и подтрёпанную одежду и вытирал ему волосы. Уши Хэ Бяня порозовели, голова слегка покачивалась вслед за движениями Чжоу Ци, а по земляному полу тянулись извилистые следы от капель воды, словно маленькие змейки.

«Хэ Бянь! Твоя родная мать пришла тебя искать!»

Хэ Бянь подумал, что ему послышалось — или это сон. Он откинул влажные пряди и с недоумением посмотрел на Чжоу Ци. Тот, вымыв длинные волосы, ещё не успел их расчесать — они торчали во все стороны, словно гнездо. Хэ Бянь не удержался и прыснул от смеха.

Отсмеявшись, он вспомнил услышанное и покачал головой, болтая ногами. Сейчас его жизнь постепенно налаживалась — и он вдруг поймал себя на том, что хочет большего.

Внезапно во двор ворвались шум, топот и голоса — люди хлынули внутрь. Двое в комнате, с растрёпанными волосами, невольно подняли головы.

Хэ Бянь ещё не успел разглядеть, что происходит, как заметил среди толпы одну богато одетую женщину — она сразу бросалась в глаза. Её взгляд был прикован к нему, и вдруг она стремительно бросилась вперёд. Украшения на ней зазвенели, и в следующее мгновение она уже почти обняла его — в нос ударил густой аромат благовоний.

Но перед ней внезапно вытянулась рука, преградив путь. Под рваными рукавами угадывались худые, обтянутые кожей кости, но сам мужчина был высоким, словно утёс, заслонивший ребёнка совсем рядом.

Ли Чжэнь посмотрела на Хэ Бяня — как на сокровище, которое удалось вернуть после утраты:

«Хэ Бянь... это я, твоя мать... столько лет ты страдал...»

У Хэ Бяня в голове загудело. Он смотрел на женщину перед собой — в его глазах смешались потрясение, радость, растерянность и недоверие. Затем его взгляд скользнул к стоящему рядом с ней крепкому, суровому вознице — и Хэ Бянь невольно вздрогнул, отступив на шаг и прижавшись к Чжоу Ци.

Ли Чжэнь поспешно объяснила:

«Это слуга из моего дома. Я боялась ехать в деревню одна, без помощника, поэтому... Но я и представить не могла, что у вас здесь все такие добрые и отзывчивые. Увидев тебя, я... я наконец успокоилась!»

Хэ Бянь крепко вцепился в руку Чжоу Ци, почти наполовину спрятавшись за его спиной. Только глаза его оставались настороженными:

«Ты говоришь, что ты моя мать? Тогда из-за тебя я столько страдал! Ты меня бросила — и семья Чжан Мэйлинь чуть не довела меня до смерти!»

Стоило ему заговорить, как остальные жители тут же подхватили — поднялся гневный гул. Лицо Чжан Мэйлинь побелело, а всегда мягкая Ли Чжэнь вдруг вспыхнула яростью — глаза её налились кровью. Она, не заботясь о приличиях, набросилась на Чжан Мэйлинь с ударами и криком приказала вознице:

«Чего стоишь?! Избей эту злобную женщину, которая издевалась над моим сыном!»

Чжан Мэйлинь получила несколько пощёчин — она не смела возразить и, воспользовавшись моментом, поспешно выскользнула из толпы. И тогда весь шум вновь сосредоточился вокруг самого Хэ Бяня.

Ли Чжэнь, полная боли и жалости, попыталась подойти и взять его за руку. Хэ Бянь опустил взгляд на себя: порванные соломенные сандалии, тёмные, потрескавшиеся руки, изношенная одежда. А перед ним — женщина, вся в драгоценностях, и её взгляд, будто он — бесценное сокровище.

Мысли Хэ Бяня спутались.

Но в следующий миг он стиснул зубы — боль вернула ему ясность. Ха... Ему ведь всегда ужасно не везло. Разве может такая удача вдруг свалиться на него?

«Говори! Тебя не Чжан Мэйлинь наняла, чтобы обмануть меня?!»

Ли Чжэнь на мгновение растерялась, а затем подумала, до какой же степени Чжан Мэйлинь замучила Хэ Бяня, раз он даже решил, будто она пришла вместе с ней. И не ожидала, что Чжан Мэйлинь окажется такой — с ласковым лицом и ядовитым сердцем.

«Чжоу Да, схвати эту злобную женщину, не дай ей сбежать! Кто знает, сколько страданий она

причинила моему сыну!»

Чжан Мэйлинь хотела было улизнуть, но жители деревни не стали ей помогать — никто не сдвинулся с места. Она и правда зашла слишком далеко: ещё недавно пыталась подговорить Ван Саньлана обидеть Хэ Бянь — какая мать сможет такое стерпеть?

Видя, что в деревне не нашлось ни одного заступника, Чжан Мэйлинь побледнела и, испугавшись, притворилась, будто потеряла сознание.

Лежа без движения, она вдруг подумала, что могла бы оправдаться: ведь Хэ Бянь был ею подобран, без неё он давно бы погиб. Но, окружённая людьми, она боялась за свою жизнь и не осмеливалась даже шевельнуться.

Ли Чжэнь пока оставила её в покое и, со слезами на глазах, сказала:

«Хэ Бянь, я знаю — все твои страдания из-за меня. Если бы тогда, после смерти твоего отца, я была сильнее... я не слегла бы от горя, не дала бы родне растащить наше имущество и не позволила бы им, воспользовавшись моментом, продать тебя — тебе ведь было всего три года. Я так раскаиваюсь... как я могла быть такой беспомощной... думала лишь о потере мужа, верила родным и не остереглась — и из-за этого нас с тобой разлучили на долгие годы... Сынок, не бойся, теперь я прогнала всех злодеев. Пусть в уезде Линъян наша семья и не славится, но у нас достаточно еды и одежды, мы не нуждаемся. Я обязательно всё тебе возмещу!»

Выслушав это, Тан Тяньцзяо не смогла сдержать слёз. Она вспылила:

«Эти проклятые родственнички заслуживают тысячи казней! Только и умеют, что обижать вдов и сирот — у них сердца, как у зверей! Хэ Бянь, твоя мать... ей тоже нелегко пришлось, не держи на неё зла».

Ругая одних и утешая другого, Тан Тяньцзяо, однако, смотрела при этом на собственного сына.

Остальные жители, услышав рассказ, тоже поняли, как трудно пришлось одинокой женщине — потерять мужа, лишиться ребёнка и ещё бороться за имущество. На лицах появилось сочувствие, люди вздыхали: хорошо хоть всё это осталось позади.

Да и молодой женщине, оставшейся без мужа и без вести пропавшего сына, жить на этом свете — словно терпеть наказание.

Прежде им казалось, что с богатой госпожой трудно иметь дело: хоть она и улыбалась, но держалась холодно и сдержанно. Теперь же стало ясно — перед ними такая же несчастная женщина. И отношение к ней сразу потеплело.

Старая У сказала:

«Ах, Хэ Бянь теперь заживёт, как господский сынок. Видно, небеса его берегут».

Староста, услышав новость, поспешил сюда как раз в тот момент, когда Хэ Бянь начал расспрашивать: о её прописке, о том, чем занимается семья, кто в ней есть и как она его разыскала.

Ли Чжэнь, срываясь на слёзы, подробно ответила на все вопросы, а затем добавила, что за все эти годы не провела ни одной спокойной ночи — каждый день ей снилось, как страдает её

ребёнок, словно ножом по сердцу.

«Сынок, - сказала она, - твоя настороженность сейчас оправдана. Если бы тебя снова обманули и увели, где бы мне тебя искать? Если ты мне не веришь — это не страшно. Но можно ли мне пока остаться здесь? Где мой сын — там и я. Все эти годы я жила вдовой и не вышла замуж, боялась, что ты подумаешь, будто я забыла тебя».

Хэ Бянь растерялся и мучился — ему казалось, будто сердце то пронзают иглы, то заливают сладким мёдом. Голова шла кругом, он не знал, как поступить.

Чжоу Ци даже не взглянул на Ли Чжэнь, лишь сказал Хэ Бяню:

«Если сейчас не можешь решить — пусть пока останется».

Хэ Бянь кивнул, и так Ли Чжэнь временно поселилась в доме семьи Тянь.

Староста, услышав это, ничего не сказал и, заложив руки за спину, ушёл.

Когда стало ясно, что дело на время уладилось, деревенские тоже не стали задерживаться ради любопытства. Сейчас важнее было прочистить заиленные канавы на полях и привести в порядок огороды и сады, поваленные бурей.

Тан Тяньцзяо как раз занималась курятником. Она схватила курицу и велела Тан Гую отнести её Хэ Бяню, сказав, что у того дома теперь пусто, как в закромах у мыши. Тан Гую было жалко — в его семье курицу позволяли себе только на Новый год. Но, подумав, что вся деревня обязана Хэ Бяню жизнью, он решил, что одна курица — не великая потеря.

Вскоре прибежал Тянь Ун и позвал Тан Тяньцзяо:

«Дед велел тебе подойти».

Сердце у неё ёкнуло — неужели староста услышал её язвительные слова и рассердился?

Обычно староста почти не вмешивался в дела, давно отошёл в сторону, поручив все хлопоты Тянь Дэфа. Неужели теперь решил сам вернуться?

По дороге Тан Тяньцзяо всё гадала, но в конце махнула рукой — ей нечего скрывать, бояться нечего.

<http://bllate.org/book/17226/1621065>